

Долг благоверному князю Андрею Боголюбскому

Людмила Лысова

Людмила Лысова
Долг благоверному князю
Андрею Боголюбскому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70454833

SelfPub; 2024

Аннотация

Символ Великого князя Андрея Боголюбского невольно становится для героини маяком в её духовном взрослении. Она пытается понять, в чём сила личностного влияния этой далёкой исторической фигуры и почему современному человеку дорога память о нём.

Людмила Лысова

Долг благоверному князю Андрею Боголюбскому

Вода, взявшаяся ниоткуда, свинцовой массой наступала всё ближе и ближе. Уже чувствовался её сырой холод, и неизбежность быть поглощённой ею казалась неотвратимой. Над поднявшейся волной вдруг мелькнула длинная рука, и как будто отдельно от неё вынырнуло голое тело...

Ужас стиснул дыхание, и Таисия проснулась. Рассвет только занимался, встать ещё не хотелось, и она силилась разгадать, к чему бы такой сон. В разных вариациях он снился ей не однажды, но когда это было в последний раз, она уже забыла. Да и недосуг было тогда разгадывать, были хлопоты посерьёзнее. Теперь, когда она одна, а ноги, ноющие по утрам от артроза, стали плохо слушаться, можно было задержаться в постели и поразгадывать этот жуткий сон.

Но недолго раздумывая, сказала себе: “А ведь, пожалуй, вода – это вольная дорога, поеду-ка я во Владимир, давно собиралась, а там, глядишь, и в Суздаль загляну. Но прежде... конечно, прежде в Боголюбово”.

Мысленно произнеся несколько раз “Боголюбово”, Таисия невольно унеслась в свою юность. Эта вотчина Великого

князя Андрея Боголюбского, забывшаяся на целых полвека, доставила ей когда-то самые горькие переживания. После-школьная пора началась с крупной неудачи.

Факультет, на который она поступала, неожиданно поменял своё направление, в котором профилирующим предметом стала история. Неприятный момент, хоть и заведомо, но всё равно неожиданно, возник на экзамене по истории. После ответа на билет горохом посыпались вопросы по датам. Прошло полвека, но стоит закрыть глаза, вспоминая экзамен, как тут же всплывает лицо экзаменатора и звучит его голос с ехидцей: “А когда...”

“А когда и как погиб Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский?” – “В 12 веке. Родился примерно в 1111 году...” Эти четыре единицы Таисия никак не могла бы забыть, а вот дальше случился тёмный провал. Помнила, что он сын Юрия Долгорукого и помогал отцу строить Москву, что объединил Восточную Русь в 12 веке. А вот как закончилось его княжение, тут белое или скорее – тёмное пятно. Ну сколько же было князей в Древней Руси, разве упомнишь в подробностях жизнь каждого. Да разве догадывалась Таисия тогда, что Боголюбский не каждый, и была в нём особость.

Но так или иначе воспрепятствовал Великий князь Андрей Юрьевич заниматься тем, к чему тяготения не было. Но мысль эта возникла гораздо позже, когда первое поражение было пережито, и Таисия поступила на следующий год в другой вуз, а жизнь продолжала наносить другие раны. Бы-

ли среди них и такие, с историческим налётом, который пугал Таисию больше всего. Однако молодость, потому и молодость, что бесстрашна даже на краю пропасти.

В городе было много пустующих храмов. Время атеистов не жаловало их своим многолюдием. Да и какие литургии в эру комсомольцев, которые рвались на БАМ и целину. А туда ехали с флагами, не с иконами.

Но как-то прошёл слух, что один из храмов стал обитаем. Древний собор Святой Софии, чьи синие купола, сливаясь с небом, привлекали своей жизнерадостностью. Но они молчали. И вдруг собор наполнился изнутри голосами. В нём поселился художник. Говорили, не то его выселили из Ленинграда, не то ему разрешили открыть в храме ателье. И то и другое будоражило своей экстравагантностью. Уже не думалось, что такое возможно, но любопытство разогрело интерес к событию.

И потекли разные люди, пёстрые поначалу, кто на столичного художника поглазеть, а кто и просто в церковь заглянуть, уж коли она открытой оказалась. А со временем толпа сама собой просеялась, и осталась уже определённая группа посетителей, заходившая теперь периодически и с конкретной целью. Образовался даже кружок своих, приходивших на посиделки.

Не то, чтобы Таисия была принята в этот круг, как будто открытого признания не было, но и возражений против её присутствия никто не высказывал. Напротив, когда неждан-

но приехала из Ленинграда жена художника, она вполне одобрительно отнеслась к Таисии и даже привлекла её к организации выставки. Галина Петровна, естественно, была почитательницей своего талантливового мужа, и ей хотелось как можно быстрее представить его широкой публике.

Работа закипела, и Таисия получила возможность увидеть картины художника. Недоумение с оттенком разочарования слегка охладило её, но она боялась выказать его и пристально вглядывалась в странные натюрморты. Мёртвые предметы из цепей и флагов в тёмных тонах не вызывали никакого воодушевления и замораживали всякие чувства.

В вечерних обсуждениях она не принимала участия, опасаясь неосторожных слов. Для её кипучей натуры это было непросто, но сам художник казался совершенно неординарной личностью и умел быть убедительным. Надо ли говорить, что мужское обаяние было сильнее художнического. Да ещё всё смягчала музыка. Галина Петровна привезла проигрыватель и комплект пластинок, среди них были такие записи, о которых у Таисии даже и представления не было.

С хрустальной прозрачностью звучала музыка, разлетаясь под сводами храма и наполняя его до краёв. Теперь и не вспомнить всех композиторов и тех сочинений, что звучали тогда. Но ощущение сверхъестественных звуков сохранилось до сих пор. Музыка соответствовала величию храма, и совсем не казалось, что она звучит не в том месте. Наоборот, она согревала и сужала холодное пространство храма,

и как будто определяла в нём каждому присутствующему его место. Особенно отчётливо и на всю жизнь запомнилась Чакона И.С.Баха. Начинаясь с порыва, она как будто влетала в храм и разливалась по всем углам, прочерчивая фрески и затаившиеся в глубине немногие иконы, которые до этого момента казались незаметными. Словно это был рассказ от них, отстранённый и чуть опечаленный: мы тут вместе, но как далеки друг от друга. Это было в первый раз, когда Таисия увидела лик Богоматери. Ей показалось, что она уловила взгляд. Было ли это знамение? Мысль ускользнула, не цапнув.

А зря. Какое-то время спустя Таисия получила непонятное приглашение на беседу в странном месте. Разговор до такой степени сразил её, будто её столкнули в омут.

– Вам знаком художник Павел Шкрут?

– Да.

– Вы бываете там?

– Да.

– Какая публика бывает у него?

– Не знаю. Я прихожу к его жене.

Теперь уж и не передать точно все вопросы и ответы, но начало разговора позволило ей мобилизовать себя, чтобы хоть как-то заглушить состояние шока, который буквально парализовал её. Но дальнейший поворот оказался таким хлестким, что сразил её окончательно.

Выйдя, Таисия глотнула воздуха, постояла на тротуаре и

медленно побрела в сторону парка к своему любимому месту. Видеть никого не хотелось, спросить совета ни у кого нельзя. Обсудить, как они обычно решали неожиданные ситуации в студенческой жизни на своём комнатном вечере в общажитии, невозможно. Это, Андрей Юрьевич, куда как хуже, чем не знать о Вашем конце жизни. Тут о своём надо думать. Так ведь рано ещё. А что делать? Сможет ли она выбраться из этой пропасти? Жить, подглядывая за чужой жизнью, а потом доносить о ней – это же немыслимо.

Она долго не появлялась у Шкрута, но тянуть тоже было нельзя. Таисия знала, что Галина Петровна должна была вскоре уехать, а ей надо было рассказать о своей части работы по выставке и выяснить, что ей делать дальше.

Оба встретили её тревожными вопросами.

– Что с тобой, Тася? – кинулась обнимать её Галина Петровна.

– Что за мировая скорбь в твоих глазах? – внимательно вглядываясь в неё, произнёс Павел.

– Я... я болела... – кое-как выдавила Таисия.

Напряжение понемногу отпустило её, когда речь зашла о делах. Но для себя она решила, что надо найти способ – выключить себя из их круга таким естественным способом, чтобы не вызвать подозрений ни с той, ни с другой стороны.

Неожиданно деканат объявил о том, что всем пединститутам предлагается практику совместить с длиной учебного года в школах в связи с нехваткой учителей в сельских школах,

а сдачу госэкзаменов сдвинуть на более поздний срок. Школы можно выбирать самим. Таисия выбрала далёкие оренбургские степи и с лёгкой душой уехала на весь год.

Она с головой окунулась в книжки и тетрадки, не отказывалась ни от каких школьных мероприятий, стараясь отодвинуть от себя всё, что было связано с тягостной историей. А вернувшись с практики, сдала экзамены и снова укатила в те же степи, даже не заглянув к Шкруту.

Потом, когда жизнь потекла уже совсем по самостоятельным и взрослым канонам, когда она сама обросла семьёй, воспоминание тех лет упало на глубокое дно и слегка свербило в душе, когда она слушала Чакону. Да изредка Таисия просыпалась от повторяющегося странного сна. Но наступающий день всегда отгонял смятение.

И вот сегодня она вдруг отчётливо поняла, что все перемещения в её жизни как будто подвигают её к какому-то завершению, от которого она до сих пор уходила. Желание поехать во Владимир было не совсем спонтанным и нет-да-нет возникало на разных отрезках жизни. А тут прозвучало так чётко, что и откладывать его на потом было нельзя.

Владимир встретил Таисию прекрасной погодой.

Она любила такие города, где древняя патриархальность соединялась с элементами современной жизни легко и не назойливо, а туристов было в меру, и гулять можно было без суеты и толкотни. Но что более всего поразило её, так это ощущение чего-то знакомого. Как будто она уже быва-

ла здесь, только очень давно, а теперь просто узнаёт родные места. С пригорка на пригорок, с крутого холма в низинку, с высокого берега в овраг. Тропки сами собой уводили своим невидимым внешне путем, давая свободу и посмотреть и поразмышлять. Постоять над рекой в миг плывущего над ней колокольного звона. И глотнув благодатного духа, не спеша идти дальше, полностью отдаваясь обаянию окрестностей.

Город ей нравился, а простота и великолепие узнаваемых уже издали гранитно-мраморных фигур в личностях, без которых практически и немыслима теперь наша жизнь, завораживали. Таисия обходила сурового Владимира-крестителя, рассматривая его со всех сторон, подолгу стояла у вдохновенно рисующего Андрея Рублева. Расстояния в сотни жизней между ними и ей ничего не значили, и доказательство тому – стоящий поодаль величественный Софийский собор Успения как воплощение их деяний.

День был насыщенный, но не утомил её. Возвратившись в гостиницу, она спросила у дежурного администратора, как попасть в Боголюбово, есть ли экскурсоводы, которые организуют поездки туда. Получив телефон, Таисия позвонила после ужина.

Приятный женский голос сообщил, что да, она тот самый гид, но сейчас она в отпуске и за пределами города. Услышав огорчение в голосе Таисии, однако, постаралась успокоить её.

– По-моему, Вам совсем не нужен экскурсовод. Дорога в

Боголюбово прямая на автобусе или троллейбусе от Золотых ворот. Не перепутайте только остановку. А на территории монастыря спросите монахиню, которая сможет Вам рассказать и всё показать. Поезжайте. Вот увидите, как всё на самом деле будет просто.

Ещё из автобуса, подъезжая к нужной остановке, Таисия увидела синие купола над белоснежными стенами. Купола, похожие на те, что стали в её юности первой вехой испытаний. Задержалась перед воротами, всматриваясь в образ Богородицы в центре арки, и с медленным ожиданием чуда вошла на территорию Боголюбского монастыря.

Остановилась перед храмом во имя Боголюбской Богоматери, вспоминая другой во имя Софии, и не успев ещё решить, как действовать дальше, услышала голос:

– Голубушка, могу я Вам чем-то помочь?

– Благодарю Вас, матушка, с радостью приму Вашу помощь. Расскажите, пожалуйста, о Вашей обители и покажите мне всё, что связано с именем Великого князя Андрея Юрьевича. Как он заслужил своё имя?

– А стал князь Боголюбским по благословенной воле Богородицы. Идём-ка на то место, с которого всё начиналось. Там, где вещей сон князя изменил его судьбу.

Августовский день, ещё солнечный по-летнему, но с лёгким ароматом грядущей осени, чистый монастырский двор, ласковый голос монахини, успевающий объяснить увиденное, брали в плен Тасину волю, и ей становилось всё спокой-

ней и спокойней. Она понимала трепет князя, каким он проникся, когда Богоматерь, явившись ему во сне проговорила свою волю. И не мог он уклониться от её воли и как будто в назидание себе даёт поручение создать образ Богородицы со свитком. И это так естественно, что икона становится защитницей Боголюбского подворья.

Попрощавшись с монахиней, Таисия выждала, когда у княжеской башни не осталось никого, и снова вернулась к ней. Она гладила ладонями слегка выщербленные камни стен, и ей представлялось, как князь Андрей Юрьевич тоже прикасался к ним. Как поздно Таисия услышала его зов, а ведь он был, она только сейчас это поняла. Не он ли предостерёг её от ложных шагов? Не он ли призывал молиться Богородице? Но умела ли она тогда слышать?

Вглядываясь в полустершиеся фрески, Таисия видела же израненного, безжалостно изувеченного князя. Как он мечтал, чтобы Владимир стал столицей Восточной Руси, как хотел, чтобы этот престол был желанным его преемникам, и не рвались бы они к киевскому престолу. Да не все, особенно из бояр были его единомышленниками. А многим из них мешал сильный князь, решавший всё самостоятельно. Но горше всего, что погиб он от людей, которых считал преданными себе. Как же так, что не случилось никого, кто бы смог ему помочь. Матерь Божья, как же он оказался вне Твоей защиты...

Мысли крутились, буравили невозможностью ответов, а

Таисия до ряби в глазах вглядывалась в глубину злополучной ниши, и чудилось, что вот-вот мелькнёт на дне отсеченная рука князя.

Перебирая в памяти рассказ монахини о том, какие дивные храмы строил Великий князь во славу Богородицы, Таисия, выйдя из монастыря, направилась в сторону реки с удивительным названием Нерль к лебединому храму Покрова. И как же чудно было задумано: идёшь по тропе через зелёный луг, а тебя провожают синие купола храма во имя Боголюбской Богоматери, и только-только начнут они исчезать, появляется впереди белоснежный купол храма Покрова, словно вспыхивает вдали стройная свечечка. И тянется к этой свечечке людская ниточка в обе стороны.

Сколько любви вложили в храм те, кто его задумывал, те, кто его строил. Сколько любви приносят те, кто приходят к нему. Эта любовь разлита по всему холму, на котором стоит храм. Эта любовь как дыхание самого храма растворяется в благословенной тишине.

Таисия молча вошла внутрь. Конечно, надо купить тот образ Богородицы с византийского списка, что привёз с собой из Вышгорода Великий князь. И как решительно отказался он от киевского престола, задумав создать Владимиро-Суздальское-Ростовское княжество, лишь бы прекратить киевские смуты.

Икона привлекала изысканностью письма и нежностью облика Богоматери. С каким усердием молился ей князь и

как много любви вложил в её прославление.

Покупая свечи, Таисия спросила, к какой иконе их поставить. Свечница внимательно посмотрела на неё и тихо спросила, как давно Таисия хотела попасть в этот храм. «Всю жизнь», – вдруг вылетело у неё. Свечница взяла её за руку и подвела к иконе: «Эта чудотворная икона – главное сокровище храма. Ты можешь помолиться ей и попросить о чём-то очень нужном».

«Мать Божья, прости меня, я не молилась тебе прежде и не знаю, о чём тебя просить. Пусть всё будет хорошо у моих родных и близких людей. Но нет, пожалуй, я знаю, чего я хочу: защити нас от раздора и сохрани жизни тех, кто препятствует ему»

Возвращалась Таисия в умиротворённом состоянии. Не хотелось ничем случайным нарушить его. Отстранённо глядя в окно поезда, она боялась вступать в ненужные дорожные разговоры. Так и доехала до дома в благостном молчании.

Утром разбудил настойчивый звонок. Звонила приятельница, явно взволнованная.

— Ты можешь мне помочь?

— Да, конечно. А в чём дело?

— Понимаешь, Виктора выписали из госпиталя, и он возвращается туда, к своим ребятам. Поезд уходит вечером, а я хочу собрать и для ребят ещё тоже что-то из домашней еды.

— Хорошо. Я напеку пирожков и привезу на вокзал. Может быть, ещё что-нибудь успею сделать. Да не волнуйся, со-

берём ребятам гостинцы.

Подруга обожала своего племянника, он рано остался без матери, и она старалась опекать его даже тогда, когда тот уже командовал ротой. А тем более сейчас... Эх и тревожное время, похожее на то лихое, что и Великий князь тогда пережил. Нечаянная мысль пронзила Таисию, она постояла-постояла и тихо подошла к неразвернутому свёртку на столе, развернула его, ещё раз пристально оглядела, погладила, снова завернула и положила в сумку с приготовленной снедью. Пусть едет туда в сторону Вышгорода.